

ЖЮЛЬ ВЕРН

*С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ
ВОКРУГ ЛУНЫ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
В35

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *М. Вовчок*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Верн, Жюль.

В35 С Земли на Луну. Вокруг Луны : [сборник] / Жюль Верн ; [перевод с французского М. Вовчок]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-156815-3

Вскоре по окончании Гражданской войны в Балтиморе собирается группа энтузиастов — «Пушечный клуб», его лидер Импи Барбикен намерен создать пушку, снаряд которой мог бы после выстрела достигнуть Луны.

Поначалу экипажа у странного аппарата не планировалось. Однако смелый путешественник Мишель Ардан внес корректировки, и в итоге в космос отправились трое: сам Ардан, Барбикен и капитан Николь.

Все ли вернутся живыми из дерзкого невообразимого полета? И какие чудеса предстоит увидеть бесстрашной троице на Луне?

Фантастическая диалогия Жюля Верна о путешествии группы астронавтов-любителей на Луну и по сей день находит своих увлеченных читателей по всему миру. Конечно, ее техническая часть сейчас не может не вызывать улыбку, но, как ни странно, автору удалось предугадать расположение космодрома на мысе Канаверал и множество деталей будущих космических полетов.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

*С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ ПРЯМЫМ
ПУТЕМ ЗА 97 ЧАСОВ 20 МИНУТ*

Глава первая

«Пушечный клуб»

Во время Гражданской войны в Соединенных Штатах новый чрезвычайно влиятельный клуб возник в Балтиморе, главном городе штата Мэриленд. Мы знаем, с какою силой пробудился тогда военный дух американцев — этого народа предпринимателей, купцов и механиков. Простые торговцы бросали свои прилавки и внезапно превращались в капитанов, полковников и генералов, отлично обходясь без дипломов военных училищ Вест-Пойнта; они быстро сравнялись в «военном искусстве» с европейскими своими собратьями и, подобно им, не жалея ядер, миллионов, а главное, людей, стали одерживать победу за победой.

А в артиллерийской науке — в баллистике — американцы на диво всем даже превзошли европейцев. Нельзя сказать, чтобы их приемы стрельбы достигли большего совершенства, но они создали орудия необычайных размеров, бывшие на неслыханные до тех пор расстояния. В искусстве настильного, навесного и ураганного огня, флангового, продольного и тылового обстрела англичане, фран-

цузы и пруссаки достигли высокого совершенства; но их пушки, гаубицы и мортиры кажутся простыми пистолетами по сравнению с колоссальными орудиями американской артиллерии.

Впрочем, тут нечему удивляться. Янки — первые механики в мире; они словно рождаются инженерами, как итальянцы — музыкантами, а немцы — метафизиками. Естественно, и в артиллерийскую науку они внесли свою смелую, подчас дерзкую изобретательность. Отсюда их гигантские пушки, гораздо менее полезные, чем их швейные машины, но столь же удивительные и вызывающие еще большее восхищение. Всем известны необыкновенные огнестрельные орудия Паррота, Дальгрена и Родмена. Их европейским коллегам Армстронгу, Пализеру и Трей-де-Болье оставалось только преклониться перед своими заморскими соперниками.

Во время кровопролитной войны северян с южанами артиллеристы пользовались особенным почетом. Американские газеты с восторгом возвещали об их изобретениях, и, кажется, не было такого мелкого лавочника или невежественного booby¹, который день и ночь не ломал бы голову над вычислением сумасшедших траекторий.

А когда у американца зародится идея, он ищет товарища, который разделит бы ее. Если во мнениях сойдутся трое, то один из них немедленно избирается председателем, а двое других — секретарями. Если их четверо, то назначается архивариус — и готово «бюро». Если их пятеро, то созывается «общее собрание» — и клуб учрежден!

¹ Простак, болван (англ.).

Так было и в Балтиморе. Первый, кто изобрел новую пушку, вступил в союз с первым, кто согласился эту пушку отлить, и с первым, кто взялся ее высверлить. Так возникло «ядро» «Пушечного клуба». Через месяц клуб насчитывал уже 1833 действительных члена и 35 365 членов-корреспондентов.

Всякому желающему вступить в члены клуба ставилось *conditio sine qua non*¹: он должен был изобрести или, по меньшей мере, усовершенствовать пушку, а в крайнем случае — какое-нибудь иное огнестрельное оружие. Нужно, однако, сказать, что изобретатели пятнадцатизарядных револьверов, нарезных штуцеров и сабель-пистолетов не пользовались особым почетом. Артиллеристы всюду и везде их затмевали.

— Уважение, которое они приобретают, — провозгласил однажды один из самых ученых ораторов «Пушечного клуба», — прямо пропорционально «массам» их пушек и «квадратам расстояний», которые пролетают их снаряды.

Еще немного — и можно было бы распространить Ньютонов закон всемирного тяготения на всю духовную жизнь.

Легко себе представить размах американской изобретательности после учреждения «Пушечного клуба». Военные орудия начали принимать колоссальные размеры, а снаряды стали перелетать через все дозволенные расстояния, иной раз разрывая в клочки безобидных прохожих. Все эти изобретения скоро оставили далеко позади скромные по своим размерам европейские орудия. Вот цифры.

¹ Непременное условие (*лат.*).

Прежде, «в доброе старое время», ядро в тридцать шесть фунтов весом могло прострелить на расстоянии трехсот футов лишь тридцать шесть лошадей, поставленных поперек его пути, или шестьдесят восемь человек. Это была младенческая пора артиллерийского искусства. С тех пор снаряды далеко улетели вперед. Например, пушка Родмена была на расстоянии семи миль, и ее ядро, весом в полтонны, легко могло «скосить» сто пятьдесят лошадей и триста человек. В «Пушечном клубе» был даже возбужден вопрос, не произвести ли этот смелый опыт. Но если лошади и согласились бы подвергнуться подобному испытанию, то среди людей, к сожалению, охотников не нашлось.

Во всяком случае, эти орудия были весьма смертоносны: при каждом их выстреле сражавшиеся падали целыми рядами, словно колосья под ударами косы. И какими жалкими по сравнению с такого рода снарядами показалось бы и знаменитое ядро, которое в 1587 году в битве при Кутра сразило двадцать пять человек, и то, которое в 1758 году при Цорндорфе убило сорок пехотинцев, и, наконец, австрийская пушка, поражавшая в битве при Кесельдорфе каждым своим выстрелом семьдесят человек. Что значили теперь наполеоновские пушки, убийственный огонь которых решил судьбу сражений при Иене и Аустерлице? Все это были лишь первые цветочки! В битве при Геттисберге конический снаряд, выпущенный из нарезной пушки, разом уложил сто семьдесят три южанина, а при переправе через реку Потомак один родменовский снаряд отправил в лучший мир двести пятнадцать южан. Следует также упомянуть об огромной мор-

тире, изобретенной Дж. Т. Мастоном, выдающимся членом и непременным секретарем «Пушечного клуба»; действие ее было крайне губительным: при ее испытании оказались убитыми триста тридцать семь человек; правда, все они погибли от взрыва самой мортиры!

Что еще остается добавить к этим красноречивым цифрам? Решительно ничего. Поэтому никто не станет оспаривать следующих вычислений статистика Питкерна: разделив число жертв артиллерийского огня на число членов «Пушечного клуба», он установил, что на каждого члена приходится «в среднем» по две тысячи триста семьдесят пять с дробью убитых!

Если вдуматься в эти цифры, то станет ясно, что единственной заботой этого ученого общества было истребление рода человеческого (хотя и в филантропических целях) путем усовершенствования боевых орудий, которые были приравнены к орудиям цивилизации. Это был своего рода союз ангелов смерти, которые в жизни, однако, отличались весьма добродушным нравом.

Необходимо, однако, добавить, что янки, как люди мужественные, не ограничивались одними вычислениями и нередко платили собственной жизнью ради торжества своего дела. Среди членов «Пушечного клуба» имелись офицеры всех рангов — от поручиков до генералов; военные всех возрастов: и новички в военном деле, и старые служаки, поседевшие на боевом посту. Немало их полегло на поле брани, и имена их занесены в почетную книгу «Пушечного клуба», а у большинства других, вернувшихся с войны, остались неизгладимые

мые следы их храбрости. В клубе можно было видеть целую коллекцию костылей, деревянных ног, искусственных рук, ручных протезов с крючком, каучуковых челюстей, серебряных черепов и платиновых носов. Упомянутый выше статистик Питкертн вычислил также, что в «Пушечном клубе» приходилось меньше чем по одной руке на четырех человек и лишь по две ноги — на шестерых.

Но храбрые артиллеристы не придавали значения таким «мелочам» и по праву гордились, когда газеты сообщали, что в новом сражении число убитых и раненых превысило раз в десять число выпущенных снарядов.

Настал, однако, день, — печальный, досадный день! — когда оставшиеся в живых перестали убивать друг друга и был подписан мир. Прекратились выстрелы, замолк грохот мортир; надолго заткнули пасти гаубиц; пушки с опущенными жерлами были размещены по арсеналам, ядра сложены в пирамиды. Постепенно изгладились кровавые воспоминания; на полях, щедро удобренных человеческим мясом и напоенных кровью, роскошно разрослись хлопковые плантации; износились траурные платья, затихли страдания, и члены «Пушечного клуба» были обречены на полную бездеятельность.

Правда, иные неутомимые изобретатели продолжали еще проектировать невиданных размеров гранаты. Но что значила теория без практики? Залы «Пушечного клуба» мало-помалу опустели, в передних дремали лакеи, кипы газет на столах покрывались плесенью, из темных углов доносился заунывный хrap, и члены клуба, еще недавно такие шум-

ные, засыпали от скуки, предаваясь в одиночестве платоническим мечтам об успехах артиллерии.

— Прямо в отчаяние можно прийти! — жаловался однажды вечером в курительной комнате храбрый Том Гантер; он протянул свои деревянные ноги к камину, не замечая, что концы их понемногу начали обугливаться.

— Решительно нечего делать! И надеяться не на что! Что за унылое существование! Где то время, когда всякое утро нас будили веселые выстрелы пушек?

— Миновали счастливые дни! — отозвался ретивый Билсби, машинально пытаясь развести руками, которых у него не было. — Славное было житье! Бывало, изобретешь гаубицу, едва успеют ее отлить, и марш с нею на пробу прямо по неприятелю! Потом вернешься в лагерь — и Шерман тебя похвалит, либо сам Мак-Клеллан тебе руку пожмет! А теперь генералы вернулись в свои конторы и вместо снарядов выпускают... безобидные кипы хлопка из своих складов! Клянусь святой Барбарой, будущность артиллерии в Америке рисуется мне в самом мрачном свете!

— Верно, Билсби! — воскликнул полковник Блемсбери. — Какое жестокое разочарование!.. Зачем побросали мы свои мирные занятия, покинули свой родной Балтимор, зачем обучались военному делу? Зачем совершали мы геройские подвиги на поле битвы? Неужто только для того, чтобы через два-три года все наши труды пошли прахом?.. Сиди теперь без дела да позевывай, сунув руки в карманы!

По правде сказать, воинственному полковнику трудновато было бы подтвердить свои слова соответствующим жестом: карманы-то у него были, но рук не осталось.

— Никакой войны даже не предвидится! — вздохнул знаменитый Дж. Т. Масто́н, почесывая свой гуттаперчевый череп железным крючком, заменявшим ему руку. — Ни единого облачка на горизонте... а между тем в артиллерийской науке столько еще пробелов! Кстати сказать, сегодня утром я закончил чертежи новой мортиры — горизонтальный разрез и схему; орудие это может в корне изменить законы войны!..

— В самом деле? — воскликнул Том Гантер, которому невольно представилась картина «пробы» последнего изобретения достопочтенного Масто́на.

— В самом деле! — отвечал Масто́н. — Но, спрашивается, ради чего я столько работал, ломал голову над сложными вычислениями? Не напрасно ли я трудился? Народы Нового Света точно сговорились жить в вечном мире. Наша воинственная «Трибюн» пророчит человечеству самое мрачное будущее в связи с увеличением народонаселения, принимающим прямо-таки непозволительные размеры.

— Вы забываете, Масто́н, — возразил полковник Блемсбери, — что в Европе продолжают войны, — там еще не угасла национальная вражда.

— Ну так что же?

— Ну так можно попытаться там что-нибудь предпринять, если только они примут наши услуги...

— Что вы, что вы! — воскликнул Билсби. — Заниматься баллистикой на пользу иностранцам?

— Это все-таки лучше, чем вовсе ею не заниматься! — заявил полковник.

— Разумеется, лучше! — вставил Мэстон. — Но об этом и думать не стоит.

— Почему же? — удивился полковник.

— Да потому, что у них, в Старом Свете, понятия о военной карьере для нас, американцев, совсем не приемлемые. Этим людям даже в голову не приходит, что можно сделаться главнокомандующим, не начав службы с чина подпоручика... Ведь это все равно что утверждать, будто нельзя быть хорошим наводчиком, если не умеешь сам пушки отливать! А это сушня...

— Нелепость! — подхватил Том Гантер, кромсая охотничьим ножом ручку своего кресла. — Итак, при настоящем положении дел нам остается только сажать табак или перегонять китовый жир!

— Как! — воскликнул Мэстон громовым голосом. — Неужели мы состаримся и умрем, не посвятив последние годы жизни усовершенствованию огнестрельных орудий?

Нам не представится случая испытать дальноточность наших пушек? Небо не озарится больше огнем наших залпов? Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заморской державе? Неужели французы так-таки не потопят ни одного нашего корабля? Неужели англичане не нарушат ни разу международного права, — ну, например, не вздернут трех-четыре наших земляков?

— Нет, Мэстон, — возразил полковник Блэсбери, — не выпадет нам подобного счастья! Нет! Не произойдет ни одного инцидента, а если и про-

изойдет, мы не сумеем им воспользоваться. Национальная гордость в Соединенных Штатах слабеет с каждым днем; скоро все мы сделаемся сущими бабами!..

— Да, нам нередко приходится унижаться! — согласился Билсби.

— Больше того — нас унижают! — воскликнул Том Гантер.

— Истинная правда! — подхватил с новой силой Мэстон. — В воздухе носятся тысячи поводов к войне, а войны все нет как нет! Наше правительство заботится о сбережении ног и рук у людей, которые не знают, что им делать со своими конечностями. А зачем далеко искать повода к войне: разве Северная Америка раньше не принадлежала англичанам?

— Без сомнения! — воскликнул Том Гантер, яростно размешивая своим костылем угли в камине.

— Если так, — продолжал Мэстон, — то почему бы Англии, в свою очередь, не принадлежать американцам?

— Вот это справедливо! — вырвалось у полковника Блемсбери.

— А пойдите-ка предложите это президенту Соединенных Штатов! — крикнул Мэстон. — Как он вас примет, а?

— Плохо примет! — процедил Билсби сквозь последние четыре зуба, уцелевшие от войны.

— Клянусь честью, — воскликнул Мэстон, — пускай на следующих выборах он не рассчитывает на мой голос!

— И наших он не получит! — дружно подхватили воинственные инвалиды.

— Итак, — заключил Мэстон, — вот мое последнее слово: если мне не дадут возможности испытать мою новую мортиру на настоящем поле битвы, я выхожу из членов «Пушечного клуба» и уезжаю из Балтимора, лучше похороню себя заживо в саваннах Арканзаса.

— И мы последуем за вами, — подхватили товарищи отважного Дж. Т. Мэстона.

Таково было положение дел в клубе; брожение умов становилось все сильнее, клубу уже грозила опасность скорого распада, но одно неожиданное событие предотвратило эту катастрофу.

На другой день после описанной беседы каждый из членов клуба получил следующее циркулярное послание:

«Балтимор, 3 октября.

Председатель «Пушечного клуба» имеет честь уведомить своих сочленов, что на общем собрании 5-го числа текущего месяца он сделает сообщение, способное вызвать у них самый живой интерес. Вследствие этого он покорнейше просит членов клуба, отложив свои очередные дела, пожаловать на это заседание.

С сердечным приветом

ваш Импи Барбикен, П. П. К.».

Глава вторая

Сообщение председателя Барбикена

5 октября, в восемь часов вечера, целая толпа теснилась в залах клуба в доме № 21 на Юнионсквер. Все без исключения члены клуба, проживав-